

ДУРНАЯ КРОВЬ

УИЛЬЯМ
МАРЧ

Старая добрая... Америка

Уильям Марч
Дурная кровь

«Азбука»

1954

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Марч У.

Дурная кровь / У. Марч — «Азбука», 1954 — (Старая добрая... Америка)

ISBN 978-5-389-34648-2

Кристин Пенмарк не нарадуется на свою дочурку: вежливая, старательная, аккуратная и послушная, Рода кажется идеальным ребенком. И все же есть в ней что-то пугающее. Почему девочку так не любят одноклассники, а учителя просят перевести в другую школу? Почему даже местный дворник ее опасается? Очень скоро Кристин получит ответ – и он ей не понравится. Культовый роман Уильяма Марча, который задолго до знаменитого «Ребенка Розмари» подарил нам леденящий кровь образ ребенка-убийцы, входит в число классики психологического триллера, задавая каноны жанра.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34648-2

© Марч У., 1954

© Азбука, 1954

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Уильям Марч Дурная кровь

William March
THE BAD SEED

© А. А. Рудакова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава 1

Когда позже тем летом миссис Пенмарк, пребывая в глубоком отчаянии и понимая, что из сложившейся ситуации не существует выхода, оглядывалась назад, в прошлое, ей казалось, что седьмое июня, когда состоялся пикник в начальной школе Ферн, стал для нее последним счастливым днем. Поскольку с тех пор она не знала ни покоя, ни умиротворения.

Пикник, традиционное ежегодное мероприятие, устраивали на пляже и среди дубовых рощ поместья Бенедикт, старинного загородного имения Фернов в Пеликаньей бухте. Именно там появились на свет и некогда коротали свои скучные, бессобытийные летние каникулы непогрешимые сестры Ферн. Они отказались продавать старое поместье и остались верны ему, даже когда нужда заставила их превратить городской семейный особняк в школу для детей своих состоятельных друзей. Выезд неизменно устраивали в первую субботу июня, поскольку старшая из трех сестер, мисс Октавия, обходя молчанием те случаи, когда этот день выдавался дождливым и пикник приходилось переносить в помещение, уверяла, что первая суббота июня всегда погожая.

– Когда я была маленькой девочкой, такой же юной, как многие из вас, – каждый год говорила она своим ученикам, – мы всегда назначали пикник в Бенедикте на первую субботу июня. Сюда съезжались все наши родные и близкие, иных из которых мы не видели месяцами. Происходило нечто вроде воссоединения семей: повсюду смех, удивленные возгласы и нежные, взволнованные голоса. В этот чудесный день все были счастливы. Прежде раздоров не существовало; в приличном обществе не ведали ссор, леди и джентльмены никогда не обменивались грубостями. Мы с сестрами с любовью вспоминаем те времена и очень скучаем по ним.

В этот момент мисс Бёрджесс Ферн, средняя и самая практичная из сестер, заправлявшая делами школы, обычно замечала:

– В те дни было намного проще: дом полон прислуги, каждый готов помочь и стремится угодить. Мама с несколькими слугами прибывала в Бенедикт за несколько дней до мероприятия, иногда уже первого июня, когда сезон открывался официально, хотя местные старожилы считали подлинным началом лета наш пикник.

– Бенедикт – поистине чудесный уголок, – подхватывала мисс Клодия Ферн, младшая. – По границе наших владений на берегу бухты протекает Затерянный ручей, впадающий там в залив. – И Клодия, преподававшая в школе изобразительное искусство, машинально добавляла: – Тамошний ландшафт весьма напоминает очаровательные речные пейзажи кисти Бомбуа. – Сочтя, что некоторые из ее учеников могут не знать, кто такой Бомбуа, она добавляла: – Для младших поясню: Камиль Бомбуа – это современный французский художник-примитивист. О, как он искусен в своей безыскусности! Как умело строит композицию и применяет зеленый цвет! Позднее вы будете подробно изучать его творчество.

Долгий счастливый день участникам пикника предстояло начать в городском особняке Фернов – собственно, в школе; родителей учеников попросили привести детей на лужайку перед зданием не позднее восьми часов утра, когда было назначено отправление заказных автобусов. Вот почему миссис Кристин Пенмарк, которая не любила опаздывать и заставлять окружающих ждать, поставила будильник на шесть часов, решив, что так ей хватит времени не только управиться с обычными утренними делами, но и позаботиться о мелочах, которые вспоминаются в последнюю минуту, в спешке, и которые так легко упустить из виду.

Она зафиксировала час подъема в памяти и перед сном мысленно сказала себе: «Ты проснешься ровно в шесть, даже если с будильником что-то случится»; но будильник сработал вовремя, и молодая женщина, немного позевав, села в постели. Кристин сразу увидела, что день – как и обещала мисс Октавия – будет замечательный. Она откинула назад светлые, льняного оттенка волосы и первым делом направилась в ванную, где долго разглядывала себя

в зеркало, рассеянно держа в руке зубную щетку, будто еще не решила, куда ее девать. У Кристин были широко расставленные безмятежные серые глаза и упругая загорелая кожа. Она растянула губы в первой за день неуверенной, робкой улыбке и, стоя перед зеркалом, рассеянно прислушалась к звукам, доносящимся из-за окна: отдаленному рокоту заведенного автомобиля; чириканью воробьев в ветвях вечнозеленых дубов, которыми была обсажена тихая улочка; внезапно зазвеневшему и тут же затихшему детскому голосу. Затем, стряхнув остатки сна и обретя привычную бодрость, Кристин умылась, оделась и отправилась на кухню готовить завтрак.

Позднее она пошла в спальню дочери, чтобы разбудить девочку. Комната оказалась пуста, и в ней царил такой порядок, что складывалось впечатление, будто ею давно не пользовались. Кровать была аккуратно заправлена, туалетный столик, где каждый предмет стоял на положенном месте, развернутый под привычным углом, имел безукоризненный вид. На столе у окна лежала одна из головоломок-пазлов, которые так нравились дочери Кристин, собранная лишь наполовину. Улыбнувшись про себя, миссис Пенмарк направилась в ванную дочери. Это помещение она застала в том же идеальном порядке, что и спальню; на веревке сушилось тщательно расправленное банное полотенце. Кристин ласково усмехнулась и подумала: «Я не заслуживаю такого толкового ребенка. Сомневаюсь, чтобы я в возрасте восьми лет хоть на что-нибудь годилась». Она вышла в просторную, изящно отделанную прихожую с элегантным старомодным наборным паркетом и весело позвала:

– Рода! Рода!.. Где ты, милая? Ты уже встала и оделась?

Девочка ответила нерешительным, осторожным голосом, как будто произнесение слов вслух было делом рискованным и требовало осмотрительности:

– Я тут. Тут, в гостиной.

Говоря о дочери миссис Пенмарк, окружающие чаще всего употребляли эпитеты «своеобразная», «благонравная» и «старомодная»; и на пороге гостиной Кристин, внутренне соглашаясь с этими определениями, улыбнулась, задаваясь вопросом, от кого девочка унаследовала невозмутимость, чистоплотность и спокойную самодостаточность.

– Неужели ты сумела причесаться и заплести косы без моей помощи? – поразила миссис Пенмарк, входя в гостиную. Малышка повернула голову, чтобы мать могла изучить ее прическу. Прямые, жидкие и тусклые темно-каштановые волосы были заплетены в две тоненькие косицы, подхваченные наверх петлями, точно веревки на виселице. Кончики были стянуты лентами, завязанными бантиками.

Миссис Пенмарк осмотрела косички, убедилась, что они надежно закреплены, прикоснулась губами к каштановой челке дочери и сказала:

– Завтрак почти готов. Думаю, сегодня тебе стоит подкрепиться как следует, поскольку нет ничего более неопределенного, чем время обеда на пикнике.

Рода села за стол; на лице у нее застыло торжественно-простодушное выражение. Затем она улыбнулась какой-то своей тайной мысли, и на левой щеке тотчас заиграла небольшая ямочка. Девочка опустила подбородок, потом вновь задумчиво подняла его, опять улыбнулась, но еле уловимо: губы приоткрылись в странной робкой улыбке, обнажившей небольшую щель между передними зубами.

– Обожаю эту маленькую щелочку между зубами у крошки Роды, – призналась живущая этажом выше миссис Моника Бридлав только накануне. – Знаете, Рода с ее челкой, косичками и этой единственной ямочкой на щеке обворожительно несовременна. Так выглядели маленькие девочки в пору детства моей бабушки. Когда-то в бабушкином доме висела цветная картинка, навсегда врезавшаяся мне в память; на ней была изображена катающаяся на коньках девочка. О, эта бесподобная бойкая малышка с распущенными волосами, в полосатых чулочках, зашнурованных коньках, маленькой меховой шапочке и такой же крошечной меховой муфте! Катаясь на коньках, она улыбалась, и между передними зубами у нее тоже была прелестная щелочка.

Чем больше я размышляю об этом, тем сильнее та девчушка напоминает мне Роду. – Миссис Бридлав внезапно смолкла, задумавшись, не обусловлена ли ее привязанность к маленькой Роде Пенмарк той реакцией, которую много лет назад вызывала в ней бабушкина картинка с девочкой на коньках, ибо почтенная дама отрицала существование беспричинных переживаний. Все сказанное, утверждала она, каким бы случайным оно ни казалось, обосновано, взаимосвязано и является частью логичной схемы, вполне доступной пониманию, если окружающие получают подсказки или беглое представление об общем замысле. Миссис Бридлав пришла к заключению, что давняя завороченность цветной картинкой и породила нынешнее восхищение соседской девочкой. В этом нет никаких сомнений, ни малейших!.. Затем она вспомнила, что ее брат Эмори, живущий вместе с нею, тоже любит малышку. Безусловно, симпатия Эмори не являлась результатом ассоциаций со старинной литографией, поскольку он был на девять лет моложе сестры и вряд ли вообще видел ту картинку с девочкой на коньках, ведь бабушка миссис Бридлав умерла за два года до рождения Эмори и ее имущество рассеялось по миру. А потому весьма сомнительно, что... Иными словами, нет оснований допускать... Миссис Бридлав смешалась, озабоченно хмурия брови и задаваясь вопросом, так уж ли действительна ее система ассоциативной мудрости, как она полагала.

Все вышеописанное говорилось и обдумывалось ею накануне днем, когда она неторопливо возвращалась вместе с миссис Пенмарк и ее дочкой с итогового собрания в школе Ферн, завершавшего учебный год: обычное чтение наизусть с непременными провалами в памяти и потоками слез, неловко смахиваемых родительскими носовыми платками, традиционные похвалы и слова утешения. Мисс Бёрджесс Ферн (средняя сестра) произнесла ожидаемую речь о долге и необходимости честного соперничества; старшая мисс Ферн, некогда учившаяся музыке в Риме, представила на суд слушателей соло на арфе.

Когда со вступительными пунктами программы было покончено и детский хор исполнил школьный гимн, стали раздавать призы за различные достижения. В самом конце вручалась главная, в представлении ребят, награда: золотая медаль, которую ежегодно присуждали ученику, показавшему в течение года наибольшие успехи в чистописании. («Отличительной чертой леди или джентльмена является хороший почерк, – любила повторять мисс Октавия Ферн. – Истинный характер и происхождение личности определяются разборчивостью, отточенностью и изяществом почерка, тогда как все прочие признаки оказываются неубедительными».)

Рода с самого начала мечтала о награде за чистописание и не сомневалась, что получит ее. Весь год она усердно упражнялась, высунув кончик языка и крепко сжимая ручку в уверенных пальчиках. Однако вышло так, что желанная медаль досталась не ей, а худенькому робкому мальчику по имени Клод Дейгл, ее ровеснику и однокласснику. По окончании собрания, когда ученики с родителями прогуливались под вечнозелеными дубами по школьной лужайке, к Роде подошла мисс Клодия, положила руку девочке на плечо и сказала:

– Не расстраивайся, что медаль вручили не тебе, хотя я понимаю, как важны подобные вещи в твоём возрасте. В этом году соперничество оказалось особенно острым. – Повернувшись к миссис Бридлав, она добавила: – Рода так добросовестно трудилась, так старательно совершенствовала почерк! Нам всем было известно, как страстно она мечтает о медали, и я, например, была уверена, что награда достанется ей. Но наши судьи, будучи абсолютно беспристрастными и даже не зная, чьи именно работы проверяют, решили, что маленький Дейгл, хоть почерк у него и не такой четкий, как у Роды, продемонстрировал наибольший прогресс за год, а ведь именно за прогресс в конечном счете и присуждается медаль.

Припомнив вчерашние события и сознавая постигшее девочку разочарование и причину ее теперешней немногословности, Кристин бодро проговорила:

– Тебя ждет поистине замечательный день! Когда тебе будет столько же лет, сколько мне сейчас, и у тебя, возможно, уже появится своя маленькая дочь, которая будет ездить на школьные пикники, ты сможешь оглянуться на нынешний день и вспомнить его с удовольствием.

Рода отхлебнула апельсинового сока, прокручивая в голове слова матери, после чего безэмоциональным тоном, будто рассуждая о посторонних вещах, заметила:

– Я не понимаю, почему медаль досталась Клоду Дейглу. Она была моя. Все знали, что она моя.

Кристин погладила девочку по щеке.

– Такое иногда случается, и надо просто смириться. На твоём месте я бы выкинула медаль из головы.

Она притянула к себе голову дочери, и Рода подчинилась ласке со стоическим, но отрешенным смирением домашнего животного, которое так и не удалось полностью приручить, после чего нетерпеливо отстранилась от матери, приглаживая челку. Но, вероятно осознав собственную неделикатность и неблагоразумие, она растянула губы в беглой умильной улыбке, и ее заостренный розовый язычок снова нырнул в стакан с соком.

Кристин усмехнулась:

– Знаю, тебе не нравится, когда тебя тискают. Прости.

– Она была моя, – упрямо повторила Рода. – Медаль была моя. – Взгляд ее круглых светло-карих глаз был суров и непреклонен. – Моя. Моя медаль.

Миссис Пенмарк вздохнула. Она пересекла гостиную, забралась на подоконник и распахнула массивные старомодные ставни, впустив в комнату мягкий свет утреннего солнца. Было уже почти семь часов, и улица быстро пробуждалась. На крыльцо вышел старый мистер Миддлтон, зевнул, почесал живот и, осторожно наклонившись, подобрал утреннюю газету; с противоположных концов улицы появились кухарки семейств Труби и Кункель, кивнули друг другу, вскинули в знак приветствия руки, и почти тотчас каждая из них исчезла за углом своего дома; девушка-подросток с нескладными ногами, тонкими, словно на неумелом детском рисунке, потуже затянула платок на голове и неуклюжими скачками, слегка подворачивая внутрь лодыжки, будто неопытная фигуристка, бросилась вдогонку за автобусом...

Наглядевшись на это привычное зрелище, миссис Пенмарк отвернулась от окна и стала наводить порядок в гостиной. Когда работа мужа Кристин привела их в этот город, супруги мечтали о собственном доме, поскольку всю совместную жизнь провели в квартирах, но, не найдя сразу подходящего варианта, в конце концов сняли очередную квартиру, решив когда-нибудь потом построить нечто по своему вкусу.

Трехэтажный многоквартирный дом из красного кирпича отличался тяжеловесной викторианской элегантностью. Его многочисленные башенки, эркеры, шпили и затейливые водосточные трубы создавали вполне стройную и гармоничную картину впечатляющего архитектурного безумия. Здание стояло на небольшом естественном возвышении, довольно далеко от улицы, и было окаймлено кустами и ухоженными газонами. Когда оно только проектировалось, под игровую площадку для детей, которые могли когда-нибудь появиться в здешних квартирах, приобрели участок позади строения и превратили его в некое подобие частного парка, обнесенного высокой кирпичной стеной. Именно детская площадка, а вовсе не просторная, но неудобная квартира и привлекла Пенмарков.

В дверь позвонили, и Кристин пошла открывать. Явилась миссис Моника Бридлав из квартиры этажом выше и с порога весело воскликнула:

– Хотела убедиться, что вы в такое важное утро не проспали! Я думала, что Эмори, мой брат, тоже придет, но он до сих пор дрыхнет. Никакая сила на свете не поднимет его раньше восьми часов, но он умудрился на минутку приоткрыть глаза и сообщить мне, что его автомобиль припаркован перед домом и мы можем взять машину сегодня утром. Так что, если не возражаете, я отвезу вас с Родой в школу. Во всяком случае, вам не придется выводить из гаража

свою машину. – Затем, обращаясь к девочке и покачивая головой, она добавила: – У меня для тебя два подарка, детка. Один от Эмори – это темные очки, украшенные стразами. Он велел передать тебе, что очки защитят твои красивые карие глазки от слепящего солнышка.

Девочка миглом подскочила к миссис Бридлав, и на лице у нее появилось выражение, которое Кристин окрестила про себя «жадным Родиным взглядом». Пока соседка надевала малышке очки, та послушно сохраняла неподвижность, а потом, повернувшись, внимательно изучила себя в зеркале. Моника отступила назад, всплеснула руками и вскричала восторженным тоном:

– И кто же эта блистательная голливудская актриса? Неужели маленькая Рода Пенмарк, что живет со своими чудесными родителями на втором этаже нашего дома? Возможно ли, что это очаровательное утонченное создание и есть та самая Рода Пенмарк, которую все так любят и которой так восхищаются? – Соседка сделала эффектную паузу, а затем уже сдержаннее продолжала: – А теперь второй презент, от меня.

Она достала из сумочки золотое сердечко на изящной цепочке. И объяснила, что тоже получила кулон в подарок в свои восемь лет и все эти годы он хранился в шкатулке с драгоценностями специально ради такого случая. Изначально кулон был преподнесен на день рождения, и с одной стороны в сердечко был вставлен гранат – камень-талисман миссис Бридлав, так как она родилась в январе. При первой же возможности Моника обещала отнести кулон к ювелиру, чтобы тот вынул гранат и вставил вместо него бирюзу – Родин талисман. Также она собиралась попросить, чтобы сердечко почистили и отладили цепочку: застежка казалась не совсем надежной, что и неудивительно, ведь миссис Бридлав владела украшением уже более пятидесяти лет.

– Можно мне взять оба камня? – спросила Рода. – Можно оставить себе и маленький гранат тоже?

Кристин фыркнула и неодобрительно покачала головой:

– Рода! Милая, как тебе не стыдно?

Однако миссис Бридлав разразилась довольным хохотом.

– Ну конечно же можно! Разумеется, детка! – Она села и продолжила: – Как чудесно свести знакомство с такой непосредственной девочкой. Ведь когда мой дядя Томас Лайтфут подарил мне этот самый кулон, я просто застыла посреди гостиной, лишившись дара речи, теребя клетчатое платье и дрожа от страха и смущения.

Малышка приблизилась к соседке, обвила руками шею и поцеловала с таким пылом, что, кажется, совершенно обворожила миссис Бридлав. Потом тихо засмеялась и потерлась щекой о щеку восхищенной пожилой дамы.

– Тетя Моника, – произнесла она нежным, застенчивым голоском, растягивая имя, точно ее разум был не в силах с ним расстаться. – Ах, тетя Моника.

Кристин отвернулась и ушла в столовую. Изумленная и встревоженная, она подумала: «Какая же Рода лицедейка. Она отлично знает, как обращаться с людьми, когда это сулит ей выгоду».

Когда молодая женщина вернулась в гостиную, миссис Бридлав изучала Родин наряд.

– Выглядишь так, будто собралась на светское чаепитие, а не на пикник на пляже, – весело заметила она. – Я знаю, что отстала от жизни, однако мне казалось, что дети ходят на пикники в комбинезонах и пляжных костюмах. Но ты, моя прелесть, в этом швейцарском платье в красно-белый горошек похожа на принцессу. А теперь скажи мне: ты не боишься его запачкать? Не боишься, что упадешь и поцарапаешь свои новые туфельки?

– Она не испачкает платье и не поцарапает туфли, – подала голос миссис Пенмарк. Она немного помолчала, словно мысленно спорила сама с собой, а потом добавила: – Рода никогда ничего не пачкает, хотя я не понимаю, как ей это удастся. – Уловив вопросительный взгляд соседки, Кристин добавила: – Мне хотелось, чтобы Рода оделась как остальные дети, но она

решительно запротестовала... Что ж, раз дочка пожелала надеть одно из своих лучших платьев, у меня не нашлось веских возражений.

– Мне не нравятся комбинезоны, – неохотно пробурчала Рода. – Они не... – Она смолкла, словно не желая заканчивать фразу, и миссис Бридлав, радостно рассмеявшись, спросила:

– Ты имеешь в виду, что комбинезоны слишком неженственные, не так ли, детка? – Она еще раз обняла девочку, терпеливо сносившую нежеланные ласки, и восторженно зашептала: – О моя старомодная крошка! Моя маленькая оригиналка!

Вскоре, когда все уже были готовы к отъезду, Рода отправилась к себе в спальню, чтобы надежно спрятать кулон для сохранности, и, когда девочка сошла с ковра, туфельки застучали по паркету громким стаккато.

– Ты отбиваешь чечетку не хуже мистера Фреда Астера, когда он танцует на лестнице, – заметила миссис Бридлав. – Что у тебя за подошвы такие? Последняя новинка, о которой я знать не знаю?

Рода вернулась, оперлась рукой на плечо Моники и послушно терпела, пока та по очереди поднимала ее ступни и рассматривала новые туфли. Тяжелее обычных, они предназначались специально для детских игр, а массивные каблуки были укреплены металлическими набойками в форме полумесяца. Рода объяснила:

– Я быстро снашиваю туфли, и, чтобы они дольше прослужили, мама велела сапожнику прибить эти железяки. Как по-вашему, хорошая мысль?

– Это было предложение Роды, не мое, – возразила Кристин. – Боюсь, я не могу поставить новшество себе в заслугу. Вы же знаете, какая я по большей части рассеянная и непрактичная. Мне бы подобное и в голову не пришло. Так что идея целиком и полностью принадлежит Роде.

– По-моему, замечательные набойки, – торжественно заявила девочка. – Они экономят деньги.

– О, моя милая маленькая скряга, – восхитилась Моника, – бережливая моя хозяйка! – Она опять порывисто обняла девочку и добавила: – Что же нам с ней делать, Кристин? Скажите мне, что делать с этой необыкновенной крохой?

Позднее, выходя из дома, все трое остановились на мраморных ступенях крыльца, потому что дворник Лерой Джессап как раз поливал из шланга мощеную дорожку, ведущую от подъезда к улице. Он работал с тем сердитым усердием, какое брюзги частенько приносят в самые обычные занятия, словно призывая небеса в свидетели проявленной к ним несправедливости; губы его шевелились в такт движениям рук, с наслаждением проговаривая вслух сварливые филиппики, ибо в уме он беспрестанно пережевывал якобы нанесенные ему обиды, которые вынужден был сносить молча, так как являлся одним из самых униженных существ на свете, несчастным сыном жалкого издолщника, убогой жертвой системы угнетения, как давным-давно признали все, кто хоть что-то понимает.

Лерой заметил на крыльце двух женщин и девочку, но притворился, будто не видит их, и не отвел шланг от залитых водой каменных плит, чтобы дать жильцам пройти, а вместо этого повернулся в сторону улицы и, старательно пряча глаза, направил струю ввысь, так что компании на ступеньках пришлось отпрянуть на верхнюю площадку крыльца. Дворник прикрыл рот рукой, чтобы не выдать, как позабавил его их испуг.

Миссис Бридлав кротко попросила:

– Лерой, будьте добры, уберите шланг. Нам надо дойти до машины моего брата. Мы и без того опаздываем на пикник.

Дворник притворился, что не слышит: он хотел сполна насладиться сценой. Моника, потеряв терпение, крикнула:

– Лерой! Вы что, совсем оглохли?

Тот нахально уставился на нее, точно еще не решил, что делать дальше, а затем нехотя отвел шланг, направив струю на газон.

– У меня полно работы, – пробурчал он. – Но вам, видать, и невдомек, верно? У меня нет времени разъезжать на машинах и устраивать пикники. Мне некогда.

Лерой стоял подбоченясь и думал о том, как несправедлив к нему мир. У него нет большой квартиры с толпой расторопной прислуги, нет хорошего автомобиля, чтобы кататься по округе, ему вообще не на чем ездить, если не считать старой развалюхи, которую даже в утиль не сплaviшь. Нет у него и приличной одежды, а в детстве он не ходил ни в какие там частные школы, которые стоят чертову кучу денег и где без передыху устраивают для своих никчемных учеников пикники и развлечения. Нет, господа! Он топал в школу сам, пешком! В любую погоду! И чаще всего босиком. Но при этом был куда толковее большинства богатеньких балбесов, у которых есть все, чего душа пожелает. Стоит только захотеть, и он сможет в любой момент выставить этих недоумков на посмешище...

Дворнику было бесконечно жаль себя. Да, господа! В возрасте Роды у него ничего не было – и по сей день ничего нет. Весь мир сговорился, чтобы обманом лишить его того, что принадлежит ему по праву. Лерой неподвижно наблюдал за тем, как две женщины и девочка опасливо прокладывают путь по мокрым каменным плитам, но, когда они добрались до уличного тротуара, резко развернулся. Шланг у него в руках взметнулся и обрызгал водой ноги этих дамочек, которых Лерой столь глубоко презирал.

Миссис Бридлав, уже открывавшая дверцу машины, патетически уронила руку и закрыла глаза; ее лицо и шея приобрели темно-коралловый оттенок. Она медленно досчитала до десяти, после чего весьма учтивым тоном произвела подробную мысленную диагностику внутреннего состояния Лероя: прежде она видела в нем человека психопатического склада, эмоционально незрелого, одержимого навязчивыми идеями и подверженного необъяснимым вспышкам гнева, но теперь, после выходки, свидетельницей которой она только что явилась, впору задаться вопросом, не слишком ли мягок ее диагноз. Похоже, Лерой определенно шизофреник с ярко выраженными параноидальными наклонностями. И еще: она сыта по горло его нахальством и грубостью – и остальные жильцы дома всецело разделяют это мнение. Возможно, ему неизвестно, но именно по ее милости у него сейчас есть работа: другие съемщики (включая ее брата Эмори, который едва ли потерпит подобные дерзости) собирались потребовать увольнения Лероя Джессапа, но она вступилась за него – не потому, что одобряла его поведение, но потому, что считала дворника человеком неуравновешенным и почти не способным нести ответственность за некоторые из своих бессмысленных поступков.

Кристин мягким примирительным жестом дотронулась до рукава соседки:

– Он не хотел нас забрызгать. Это случайная оплошность, ничуть не сомневаюсь.

– А вот и хотел, – возразила Рода. – Я хорошо знаю Лероя.

Миссис Бридлав с негодованием повела плечами.

– Это не оплошность, дорогая Кристин! Уверю вас, никакая не оплошность. – Но ее гнев уже стал утихать, и, снисходительно разведя руками, она добавила: – Лерой поступил так намеренно. Злобная выходка невротичного ребенка.

– Он нарочно! – произнесла Рода холодным, глубокомысленным тоном. Она ощупывала Лероя своими пытливыми круглыми глазками, как будто могла заглянуть в его воспаленное сознание. Затем, обращаясь к самому дворнику, девочка добавила: – Вы задумали проказу, еще когда мы стояли на крыльце. Я смотрела на вас, когда вы решили нас окатить.

Тут Лерой, сообразив, что на сей раз зашел слишком далеко и неприязнь вкупе с воображаемой несправедливостью толкнули его на поступок, не вполне одобряемый разумом, немедленно присмирел и поджал хвост. Он встал коленями на мокрый тротуар, вытащил носовой платок и, низко наклонившись в знак покорности и поражения, вытер туфли миссис Бридлав и ее спутниц.

Миссис Пенмарк, явно смущенная, тут же отшатнулась.

– О, прошу вас! Не надо... пожалуйста!

Моника открыла дверцу машины. Гнев улегся, и она, уже стыдясь своей вспышки, покаянно вздохнула и проворчала:

– Ну полно, полно! Однако мое терпение не безгранично, и вы должны это понимать.

Лерой скомкал испачканный носовой платок и швырнул на мостовую. Потом поднялся на ноги, чувствуя, как к нему вновь возвращаются ощущение своей силы и осознание того, что он способен справиться с подобной ситуацией, как и с любой другой... Хорошенькая миссис Пенмарк, эта сногшибательная блондинка, ничего так и не уразумела. На поверку она оказалась слишком глупа, чтобы понять, как он ее презирает. Настоящая дуреха из тех кротких, наивных бабенок, которые вечно всех жалеют, переполненные добротой. Сделаешь ей гадость, а она, вместо того чтобы ответить тем же или люто возненавидеть тебя, наоборот – устыдится и решит, что, должно быть, сама во всем виновата. Дворник, к которому вернулись прежние наглость и самоуверенность, сплюнул на газон.

А вот другая дамочка, самовлюбленная стерва Бридлав, – дело иное. Она тоже устыдится, но по другой причине. Старуха считает себя жутко умной: полагает, будто ей известно всё и вся; воображает, что на свете нет никого хитрее ее. И непременно устыдится – не из скромности, а потому, что слишком заиклена на себе. Она ведь не рассчитывала, что кто-то поднимется до ее стандартов, не ожидая, что обычный человек окажется таким же утонченным, изысканным и толковым, как она. Само собой, когда эта Бридлав все обмозгует, ей станет стыдно, и, дабы облегчить совесть, она пришлет свою горничную с десятидолларовой купюрой, чтобы заплатить Лерою за его выходку. Эта старая ведьма – действительно нечто!

Дворник снова взялся за шланг. Победа в конце концов останется за ним, как всегда и бывало с этими недоумками. Надо просто ждать и наблюдать, вот и вся недолга. Просто ждать...

И тут раздался голосок Роды:

– Вы это всё нарочно. Я вас знаю. Вы с самого начала задумали нас облить.

Во взгляде ребенка не было ни обиды, ни даже порицания – лишь неколебимое мнение о характере дворника, что поразило Лероя. Внезапно он понял, что эта пигалица видит его насквозь и никакие его слова и дела, никакие поступки, при помощи которых он морочил остальных, добиваясь своего, не произведут на Роду ни малейшего впечатления. Обескураженный ледяной пронизательностью детского взгляда, Лерой в замешательстве отвернулся, точно перед девчонкой его оружие оказалось бессильным. Когда автомобиль, отъехав от тротуара, заворачивал за угол и утреннее солнце на мгновение осветило униженную драгоценностями руку миссис Бридлав, помахавшую дворнику на прощанье, он пробормотал себе под нос, имея в виду, однако, не пожилую даму, а ребенка:

– Гадина! Мерзкая маленькая гадина! От нее ничего не утаишь. Такая воткнет тебе нож между ребер и будет любоваться хлещущей кровью.

Рода же, сидя в машине, кротко заметила:

– Иногда, когда Лерой в дурном настроении, он говорит, будто потерял ключ от парковой калитки и не откроет ее для детей. Он хочет заставить нас ждать и умолять его открыть калитку. По-моему, Лерой негодяй.

Миссис Бридлав, к которой уже вернулось обычное хорошее настроение, воскликнула:

– Я просто обожаю говорок малышки Роды! – Она нежно потрепала девочку за мочку уха. – Чудесное у тебя произношение, прямо обворожительное, мое сокровище! Ты не научишь и меня так говорить?

Кристин тихо рассмеялась и, дотронувшись до руки дочери, сказала:

– С моим ужасным акцентом уроженки Среднего Запада и новоанглийским выговором Кеннета у бедного ребенка не было ни единого шанса.

Тем временем Лерой отсоединил шланг от крана и приготовился убрать его в подвал, попутно размышляя: «Роду никто вокруг пальца не обведет, это уж как пить дать. Но и меня тоже. Сдается мне, мы с девчонкой сделаны из одного теста».

Но в этом он ошибался, как мы увидим со временем, ибо Рода была способна претворять в жизнь то, на что Лерой Джессап замахивался лишь в своих фантазиях.

Глава 2

Миссис Пенмарк записала дочь в школу Ферн в прошлом августе, и мисс Бёрджесс Ферн, занимавшаяся зачислениями, деловито заметила:

– Только не думайте, что у нас так называемая прогрессивная школа. Мы обучаем искусству утонченного и даже в некоторых отношениях изысканного образа жизни, но вместе с тем даем подопечным прочный задел на будущее в практических вопросах. Мы учим детей грамотному письму, а также беглому и, по возможности, выразительному чтению. Арифметику у нас преподают так, как и следует: по учебнику и у классной доски, а не в садовой песочнице с ракушками и цветочными лепестками взамен счётов.

– Да, я знаю, – заверила Кристин. – Мы с мужем говорили с одной из наших соседок по жилому комплексу «Флорабель», миссис Бридлав, и из ее рассказов заключили, что ваша школа идеально подходит для ребенка с Родиным темпераментом.

В этот момент в учительскую вошла мисс Клодия Ферн и направилась к картотечным шкафам. Миссис Пенмарк неуверенно продолжала:

– Вы, конечно, знаете миссис Бридлав?

Сестры быстро переглянулись, словно изумленные самим вопросом.

– Монику Бридлав? – недоверчиво переспросила мисс Бёрджесс Ферн. – Да ведь Монику знает весь город. Она одна из самых активных наших горожанок. Позапрошлой зимой миссис Бридлав получила награду Общественной ассоциации как самый полезный гражданин года.

Вошла мисс Октавия Ферн, села за свой стол и, любезно улыбаясь, произнесла:

– Боюсь, фамилия Пенмарк мне незнакома. Она необычная, и я уверена, что запомнила бы ее. Вы давно здесь живете?

– Нет, совсем недавно. Мой муж работает в пароходстве Каллендера, и его перевели сюда из Балтимора всего неделю назад. Мы пока почти никого тут не знаем. – Когда мисс Ферн тяжело вздохнула, словно подступаясь к неприятной задаче, Кристин, уловив направление ее мыслей, заискивающе добавила: – Родственники моего мужа из Новой Англии. Мне говорили, что там имя Пенмарк известно лучше.

– Наша школа не из дешевых, – заявила мисс Бёрджесс Ферн. – Плата за обучение здесь высокая, что согласуется со стандартами, которыми мы руководствуемся при выборе учеников. Отказываем мы гораздо чаще, чем принимаем.

Мисс Октавия подхватила:

– Здесь вы не найдете ни чванства, ни снобизма. Мы с пониманием относимся к детским проблемам и соблюдаем абсолютную непредвзятость, однако не считаем, что снижение стандартов качества, установленных отцами-основателями (данный подход приобрел популярность в определенных кругах еще при Рузвельтах), служит насущным интересам ребенка, а также не полагаем правильным отвергать достижения предков и умалять их успехи на ниве репутации, славы и материальных благ. – Немного помолчав, она добавила: – Иными словами, хоть мы и ратуем за демократические идеалы, но вместе с тем убеждены, что идеалы эти осуществимы лишь там, где все члены определенной группы принадлежат к одному и тому же социальному слою, предпочтительно высокому.

Миссис Пенмарк хорошенько обдумала примечательные заявления классной дамы и сказала:

– Полагаю, вы найдете наше происхождение приемлемым. – И, уже тщательнее взвешивая слова, добавила, что сама родилась на Среднем Западе и в детстве успела пожить практически во всех уголках страны. Имеет диплом Университета Миннесоты, который окончила перед самым Перл-Харбором; выдающихся успехов в учебе не продемонстрировала, однако выпускные экзамены сдала неплохо – вот, пожалуй, и всё. Кристин поколебалась, опустила

взгляд на свои руки и печально сообщила: – Мой отец, которого я нежно любила, погиб при крушении самолета во Вторую мировую. Его звали Ричард Браво, и одно время он пользовался довольно широкой известностью как журналист и военный корреспондент.

– Конечно, конечно! – воскликнула мисс Октавия. – Я знакома с его творчеством. Мистера Браво отличали яркое воображение и прекрасный литературный стиль. – Она повернулась к сестрам, и те закивали в знак согласия, после чего она продолжала: – Ваш отец был человеком глубоким и прозорливым. Его гибель стала огромной утратой.

– У нас в библиотеке есть сборник его статей, – подала было голос мисс Бёрджесс, но ее сестра подняла руку, показывая, что вопрос уже решен и миссис Пенмарк окончательно доказала право своей дочери на поступление в их учебное заведение. Она отметила:

– Количество учеников у нас ограничено, как вы, вероятно, знаете, и классы на предстоящий год уже набраны, но мы с сестрами обязательно найдем место для маленькой внучки Ричарда Браво. – Мисс Октавия поднялась, поклонилась и вышла из учительской.

Мисс Клодия, младшая из сестер, найдя в картотеке нужный документ, осведомилась:

– Значит, Моника Бридлав – ваша соседка?.. Как-то на карнавальном балу (это было в тот год, когда я начала выезжать в свет) она наступила мне на шлейф и оторвала его. Я так сконфузилась, что убежала домой и не посмела вернуться!

– Моника первая в городе сделала короткую стрижку, – припомнила мисс Бёрджесс. – И первая, во всяком случае первая среди порядочных женщин, стала курить на публике.

– Когда увидите Моника, – не унималась мисс Клодия, – передайте ей, что, по моему мнению, она наступила мне на шлейф специально: в тот вечер полковник Гласс танцевал со мной трижды, а с ней – ни разу.

Кристин кивнула и обещала передать, но сразу позабыла об этом и вспомнила только нынче утром, в день пикника, когда, подходя к школе, увидела мисс Клодию, волокущую по лужайке набитый бумагой холщовый мешок. Кристин улыбнулась, воскрешая в памяти давний разговор, и, после того как миссис Бридлав припарковалась, а Рода присоединилась к стайке ребят под смоковницами, передала соседке слова мисс Клодии. Миссис Бридлав расхохоталась и заявила, что отлично помнит тот случай.

Это произошло на ежегодном костюмированном балу литературного общества, и в действительности весь проступок Моника состоял в том, что она наступила носком бальной туфельки на жалкий заплесневелый шлейф Клодии, и когда хихикающая Клодия, повисшая на руке полковника Гласса, направилась в сторону, Моника совсем неосмотрительно прижала материю к полу; шлейф, чего и следовало ожидать, треснул по шву и оторвался, совсем как в старом фильме с участием братьев Маркс. Беда в том, что девицы Ферн, по крайней мере в те времена, терпели такую нужду, что даже гардероб у них был общий и являл собой нечто вроде груды тряпья, из которой каждая сестра, когда требовали обстоятельства, выуживала что-нибудь мало-мальски подходящее. И все трое без конца эксплуатировали тряпки из своего гардероба во всевозможных комбинациях и цветовых сочетаниях, надеясь таким образом достигнуть иллюзии свежести, но поскольку наряды создавались лишь для одного выхода, то шили их на живую нитку, не так прочно, как обычные платья: детали были сметаны наспех или сколоты булавками, чтобы на завтра их можно было быстренько распороть и при необходимости использовать заново.

Миссис Бридлав залилась веселым смехом и некоторое время обмахивалась веером, а потом добавила, что младшая мисс Ферн совершенно права в своих подозрениях. Да, Моника наступила на шлейф умышленно, но вовсе не из-за того, что Клодия трижды танцевала с полковником Глассом (помнится, весьма напыщенным занудой, любителем рыбной ловли и поборником благотворной силы тотальной дисциплины), а из-за того, что мисс Ферн заигрывала с ее братом Эмори, и Моника твердо решила: какая бы участь ни ожидала семейство Уэйджес в будущем, с неуклюжей короной Клодией Ферн оно не породнится!

У обочины были припаркованы два автобуса, и некоторые дети уже заняли свои места. Миссис Бридлав, оглядевшись вокруг, окликнула Роду и, когда девочка подошла, осведомилась:

– Где же маленький Клод Дейгл – тот, что получил медаль за чистописание? Он уже тут? Я его не видела.

– Вон он, – ответила Рода. – Стоит у ворот.

Это был анемичный и очень худенький мальчик с вытянутым треугольным лицом и пухлой, розовой, неподобающе чувственной нижней губой. Рядом с собственническим видом стояла его мамаша – энергичная особа с глазами навывкате. Она беспрестанно тормошила своего безучастного сына: то поправляла кепку, то приглаживала галстук, то подтягивала носки, то вытирала ему лицо носовым платком. Медаль за чистописание была приколот к карману рубашки мальчика, и его мать, будто почуяв, что награда стала предметом обсуждения, беспокойно обняла Клода за плечи и взвесила медаль на ладони, точно та была пожалована ей самой, а не сыну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.